

ОЛЬГА ЗЮКИНА

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЛЮДИ

РАССКАЗЫ

ЯБЛОНИ И ПЧЁЛЫ

Пенсионерка Валентина Семёновна Верёвкина на весь городок слыла активисткой. Её уважали. Проработала всю жизнь в школе, последние годы — замдиректора по воспитательной работе. А как вышла на пенсию, взяла на себя тяжёлое бремя старшей по подъезду: выбирала краску для стен. А потом стала старшей по дому, отстояла управление жильцами — никаких управляющих компаний. Сама искала работников для ремонта отопления, освещения. И вот последняя её победа — забор и ворота.

Два года назад Валя с сестрой купили участок недалеко от города. Даже думали квартиру продать и в домик перебраться.

— Так, Соня, нам бы успеть к сезону теплицу поставить, — говорила Валя, деловито прохаживаясь по участку.

— А куда ставить будем?

— Да хотя бы вот сюда, — она указала на место, где как раз её сосед что-то прибывал, стоя на стремянке так, что его было видно из-за двухметрового забора.

— Здравствуйте, — обратилась к нему Валя.

— Ну, здорово.

— Меня Валентина Семёновна зовут. А это сестра моя — Соня. Будем соседями.

— Это хорошо. Я Иван Михалыч. Обживаетесь?

— Обживаемся. А вы что делаете?

— Да так... Навес. Погодите, я вам мёду принесу.

ЗЮКИНА Ольга Сергеевна родилась в 1990 году в Брянске, окончила Брянский государственный университет, работает юристом в ООО «Объединенные кондитеры».

Мужчина вернулся с банкой, передал её через забор.

— Вот, у нас пара ульев есть. Это вам, по-соседски. С соседями дружить надо, — сказал он и, как показалось Валентине Семёновне, ехидно ухмыльнулся.

Сёстры разбили грядки: зелень, огурцы, морковь. Посреди огорода поставили бочку, наполнили водой и принялись увлечённо выращивать урожай.

Сосед Иван мастерил навес. Валя стала подозревать, что крыша навеса может свисать над её участком. И она, дабы предупредить неприятности, громко, чтобы слышал Иван, говорила сестре:

— Ой, Соня, и что же нам посадить к этому забору? Тут такая тень.

Или:

— Какой огород хороший у наших соседей: солнечный, светлый. Вот бы и у нас была сетка, а не эта стена.

Иван Михальч словно ничего не слышал. Иногда только всё с той же неприятной улыбкой предлагал мёд.

Вдоль изгороди у Ивана и Татьяны Шулятьевых росли яблони. Старые, раскидистые ветви их от щедрого урожая потяжелели и лежали прямо на заборе, ранились о металлический профиль. Красные яблоки падали на участок сестёр, прямо в укроп и петрушку.

Соня набрала яблоч:

— Валя, смотри сколько! Наварим повидла.

Валентина цокала и качала головой:

— Ты только посмотри, какие от навеса капли. Всё побило. Ничего тут у нас не вырастет.

— Да это скорее яблоки.

— Ещё лучше. Мало того, что ветки весь свет затмили, так ещё и яблоки падают.

По дороге в город сёстры увидели своего соседа Ивана Михайловича на рыночке около остановки. Он продавал мёд и яблоки.

— Здравствуй, сосед, и почём же банка мёда? — спросила Валя.

— Пятьсот рублей за литр.

— Дороговато.

— Так ведь сколько труда! Но вам подешевле отдам, — улыбнулся мужчина и прибавил подозрительно: — С соседями дружить надо.

— Мы много мёда не едим, у меня на него вообще аллергия.

В автобусе свободных мест было мало, и сёстры сели порознь.

Женщина, рядом с которой села Валя, оказалась болтливой. Не нуждаясь в знакомстве и завязке разговора, она журчала, как реченька:

— Видели на рынке соседку мою в красной кепке? Вот жадна, каждой травинкой торгует. Зверобой с пыльной дороги — и то продаст. А Шулятьев? Строит из себя добренького, а сам, пока участок соседний пустовал, два метра отхапал. И забор трёхметровый. И молчок. Сидит ухмыляется, а как на скважину я собирала, так и по сто рублей всем жалко...

С этого места Валя перестала слушать. Шулятьев два метра отхапал. Она сразу вспомнила, что забор стоит с каким-то странным выступом. Дома она проверила документы. Выходило, что забор поставили давно и межевали уже по нему. Лично у Вали Иван Михальч ничего не украл, а вот у бывших хозяев, выходит, украл — так они продали девять соток, а могли девять с половиной. Валя восприняла это как личную обиду, ведь её участок мог быть шире на полметра!

В другую поездку на дачу к Верёвкиным пришла Татьяна — жена Ивана Михайловича.

— Хорошо вы тут всё обустроили, — начала она.

— Стараемся.

— Я рада, что вы теперь здесь, ухаживаете и за двором, и за огородом, а то летом такой бурьян рос. А мы во дворе скважину бурили на воду, вот она несколько лет побыла и всё — вода закончилась.

— У нас водопровод. Мы общим пользуемся.

— Да, как раз у вашего дома колодец. Нам бы от вашего колодца к себе трубу дотянуть. Можно?

— А мне что? Колодец не мой.

— Ну, спасибо.

Шулятьевы копали, пока сестёр не было: пригнали трактор, выкопали траншею, проложили трубу. Трактор разворотил землю, сдавал назад и сломал молоденькую сосенку, что посадили Валя с Соней.

Земля от дождей просела. Ямки, лужи и грязь перед своим голубеньким домом увидели сёстры.

— Вот же хамы! — воскликнула Валя.

— Да уберут, не могут же так всё оставить, — развела руками Соня.

Но Шулятьевы не убрали. Выпал первый снег, а они всё не убрали. Татьяна и Иван жили в посёлке постоянно, для них это жильё было домом. А Верёвкины зиму проводили в квартире, для них домик в посёлке был дачей. Сам посёлок строили в советское время для обслуживания турбазы. И расположение всех построек было не таким, как у деревушки, которая рождается сама по себе, а не по плану. Жилые домики стояли по линейке, без заборов, а сараи и гаражи разместили поодаль. Когда турбаза закрылась, домики потихоньку приватизировали, огораживали, а гаражи и сараи остались нетронутыми. У Верёвкиных и Шулятьевых в гаражно-сарайном районе один сарай на двоих: общее крыльцо, две двери, внутри — сплошная перегородка.

Соня зимой часто болела, а Валя ездила проверить хозяйство. В очередной приезд ей понадобился бочонок для родниковой воды. Валентина взяла снеговую лопату и отправилась к сараям. Дорожку к их сараю обычно чистил Иван Шулятьев. Сейчас тропинку замело. Валя принялась чистить; морозно, свежо — прекрасно размяться. Ближе к крыльцу ей показалось, что тропинка берёт как-то левее, к половине крыльца Шулятьевых. Вспомнились капли с навеса, тень от забора, сломанная сосна... И она стала чистить ступеньки только наполовину, правую часть. И крыльцо почистила тоже наполовину, только перед своей дверью. Домой возвращалась с улыбкой:

— Так вам и надо! Крыльцо ещё хамам этим чистить. Вот ещё!

Два дня Валентина ходила счастливая. Соня настроения сестры не замечала, всё больше лежала, даже сидеть ей было тяжеловато. Слабела. Валя витала в своих мыслях, так интересно увидеть реакцию Шулятьевых. Она то и дело вела воображаемый разговор с ними:

— Сами попросились. Вы лучше землю поравняйте. Некогда ступеньки почистить? Всё со своими пчёлами возитесь, предприниматели.

Через два дня Валентина поехала на дачу без надобности. А вдруг они ждут её у калитки с лопатой?

Шулятьевы её, к сожалению, не поджидали. И Валя отправилась к сараям. Увидела ступеньки и крыльцо — от неожиданности даже выронила сумку. Ступени расчищены от снега в шахматном порядке: на первой снега нет справа, на второй — слева, на третьей — тоже справа. И Валентине почувствовалась ехидная улыбка Ивана Михайловича.

— Я вам покажу! Я вам устрою! — вслух подбадривала себя Валентина и побежала к Шулятьевым.

Кулаком забарабанила в дверь. Открыли быстро.

— О, здравствуйте, проходите, — посторонился Иван, пропуская Валентину Семёновну.

— Нечего мне проходить, у меня разговор короткий. Навес свой живо убирайте. И забор — наполовину. Довольно тень на мой участок бросать. Не уберёте — в суд подам! Я свои права знаю.

Подошла Татьяна, прыснула театральным смехом:

— Да подавай сколько угодно! Забор убрать! Кто ж такое сделает? На-распашку жить будем? Ты еще яблони потребуй спилить. Вот посмеются!

— И потребую!

— Валентина Семёновна, — заговорил Иван, — вы зайдите, поговорим, чайку...

— Спасибо. Сыта по горло! Я всё сказала! Убирайте забор и навес, и точка.

Развернулась, пошла к себе. Шулятьевы дверь не закрывали, Татьяна говорила мужу так, чтобы и соседка слышала:

— Да ну её! Никуда она не пойдёт! Вечно недовольная. Да и какой суд забор уберёт? Это же забор. Наш участок, что хотим, то и делаем.

Но Шулятьевы ошиблись. Верёвкина загорелась этой идеей. Не откладывая в долгий ящик, не давая себе остыть, в тот же день вернулась в город и отправилась в юридическую консультацию.

Встретила её молодая девушка в строгом костюме, внимательно выслушала и с заверениями, что, конечно, шансы есть, и она изучит практику по этому вопросу, отправила Верёвкину домой.

Юрист Эльвира работала всего первый год, всеми силами расширяла клиентскую базу. К тому же у неё на компьютере накопилось ещё совсем мало образцов исковых заявлений. Поэтому Эльвира по-честному зашла в “Консультант Плюс”, а дома даже подняла свои тетрадки с лекциями по гражданскому праву.

— Ага, — прочитала подчёркнутое красной ручкой, — вот то, что надо.

На второй встрече она держалась увереннее, чувствовала своё превосходство перед клиенткой, могла пугать её непонятными словами.

— В вашем случае надо подавать негативный иск. В суд общей юрисдикции. Какие требования будем заявлять? Устранить нарушения, не связанные с лишением владения. Что именно надо устранить?

Валя повторила, как завороченная:

— Да, негативный иск. Надо бы забор устранить, пол-участка в тени. Вот у других соседей сетка — как хорошо! Ещё навес убрать. Капели с него все семена забивают.

— Хорошо, — Эльвира всё записывала. — Что-нибудь ещё?

Валентина думала.

— Может, что-то вашему здоровью угрожает? Слив какой-нибудь?

— Нет, такого нет, — и тут Валентина вспомнила, как ёрничала Шулятьева про яблони, — еще яблони у них растут, тоже свет застыт. Можно и их заставить убрать?

— Заявим и такое требование, — Эльвира стучала по клавиатуре, а сама думала: “Вот же противная бабка!” — Моральный вред заявлять будете?

— Буду, пусть-ка заплатят, у них денег много, они предприниматели, пчёл держат, мёд втридорога продают. Заплатят. А у меня на мёд вообще аллергия.

— Хорошо. У вас по документам дом на двоих?

— Да, это моя сестра. Пишите от нас обеих. Она болеет.

— Дееспособная?

— Ох, не дай Бог! Конечно, в своём уме. Всё подпишет, придёт, если надо.

— Хорошо. Через три дня приходите, в пятницу, проект искового будет готов, госпошлину оплатите и всё.

Эльвира закончила институт с красным дипломом. Не то, чтобы она разбиралась в сущности права, зато хорошо умела подбирать информацию по теме. Вот и к негативному иску она подобрала всё, что более-менее подходило. Забор высокий — не по СНиПу, и деревья посажены без отступа, навес туда же. Прочитала. Всё равно как-то несолидно. Вот если ещё что-то? Пчёллы. Незаконное предпринимательство? Не то. Вот бы здоровьем что-то угрожало. В уме всё вертелось пчёллы. Они же могут налететь, покусать. Набрала в интернете, пишут — могут закусать до смерти. И тут ей на глаза попался подходящий местный закон.

Не дожидаясь пятницы, Эльвира пригласила Верёвкину.

— У вас аллергия на мёд, — начала она вкрадчиво, готовя пациента к смертельному диагнозу.

— Да, — робко ответила Валентина.

— А на самих пчёл? — Эльвира наступала. — По закону улы с пчёлами можно содержать только, если это не создаёт угрозу жизни и здоровью окружающих.

Верёвкина отпрянула. Юристка продолжала:

— Если у вас аллергия на пчёл, ваши соседи ставят вас в чудовищную опасность. Они не вправе иметь пасеку рядом с вами. Это нарушение законов Орловской области.

Верёвкина испугалась. А они ей ещё и мёд подсовывали! А ей, может, и вовсе опасно выходить на огород: прилетит какая-то пчела, укусит, а потом разбираться уж некому будет, шулятьевская она или дикая.

— Я не знаю про аллергию...

— А вы проверьте. Сдайте пробу.

Проба оказалась положительной. У Верёвкиной и правда выявили аллергию на укус пчелы. Как она могла прожить почти шестьдесят лет и не знать об этом!

О том, что Шулятьевы получили повестку, Валя поняла сразу: перестала здороваться, отводили глаза, уходили, завидя её.

Встретились они уже в суде. Валентина Семёновна пришла с Эльвирой, Шулятьевы — вдвоём. Высокомерно шушукались в коридоре.

— Девочка какая молоденькая, неопытная, — шептала Татьяна мужу.

“Не на ту попали”, — про себя отвечала им Валя.

“Не на ту попали”, — подумала Эльвира и поправила чёрную юбку-карандаш.

Судья строго и сурово задавал пугающие непонятные вопросы:

— Отводы?

— Ходатайства?

— Истец, требования поддерживаете?

— Ответчик?

Татьяна начала:

— Ваша честь, мы ничего не нарушаем. Пчёл держим не первый год, никто не жаловался. И забор повыше, чтоб пчёлы не разлетались. А яблони кому мешают? Сами-то они яблоки наши подбирают. А этой всё не нравится, всем недовольная.

— А как быть довольной, товарищ судья, ваша честь, то есть, — встала Валя, — посадить ничего не могу, всё в тени.

— Да, к тому же самовольно устроенная пасека, — подхватила Эльвира, — создаёт угрозу жизни и здоровью истицы. У неё аллергия на укус пчелы, что подтверждается медицинской справкой.

Татьяна захохотала.

— Ой же чуть! Укус пчелы! А если её дикая пчела укусит, она с лучшим судиться будет?

Судье шутка не понравилась.

— Ответчик, я вам слова не давал. Как смеют люди первый раз ко мне прийти и так себя вести?

— Извиняюсь, — прошептала Шулятьева.

— Я вас удаю с заседания, если такое повторится. Как смеют люди так себя вести в присутствии судьи? Говорить только по моему разрешению!

Судья был старой закалки. Не любил богатых, предприимчивых, защищал бедных и обманутых. И неважно, что сами они обманулись или обеднели по своей лени. Развязная Шулятьева ему не понравилась. Верёвкина тоже раздражала, но Шулятьева больше. Она вполне представлялась жадной купчихой в особняке с башнями за каменной стеной. Ещё и с пасекой решить что-то надо. Как быть?

— Проведём осмотр на месте, — решил судья, — выеду сам.

На месте впечатление его усилилось. У Шулятьевых — кирпичный дом с мансардой, у Верёвкиных — деревянный домик с голубой облупившейся краской. Забор добротный. Навес — нехорошо, свисает прямо на соседний участок.

Погода стояла солнечная. Первые весенние деньки, молодые и свежие. Жалко яблони спиливать.

На стульчике, накрыв колени пледом, сидела Соня, щурилась от солнца, улыбались морщинки вокруг глаз.

— Валя, помнишь, сколько яблок было? — говорила она сестре, что стояла рядом с ней. — Может, не надо всё это?

— Надо, Соня. Всё по закону.

Иван Михалыч что-то пытался объяснить. Судья не слушал, изредка кидал резкие фразы:

— Я вам слово не давал.

— Говорите по моему разрешению.

Шулятьев на свою беду предложил ему мёда. Судья ничего не сказал, посмотрел молча, сурово, надменно. Шулятьев виновато держал банку и, как назло, всё никак не мог найти ей места.

— Уберите это, — жёстко проговорил судья.

Его слова прозвучали, как приговор.

Валя усмехнулась:

— Всё со своим подкупом лезет.

На следующее заседание Шулятьевы пришли притихшие, с адвокатом, грузным лысым мужчиной. Адвокат много говорил, заявлял ходатайства, грозил встречным иском:

— И тогда, уважаемый истец, когда вы проиграете, мы подадим заявление о судебных расходах, сто тысяч между прочим...

Судья нахмурился. Сто тысяч? За два листочка бездарного текста?

— Вы мне что, процесс собрались затягивать своими бумажками? В другом месте экспертизу проводить будете. Встречный иск уберите, даже не доставляйте его. Отдельно заявите. Суд удаляется в совещательную комнату.

Приговор гласил: “Убрать забор. Убрать навес. Спилить обе яблони. И убрать пасеку”.

Валентина ликовала. Шулятьевы набросились на лысого адвоката. Эльвира выложила на Фейсбуке пост с заголовком “Интересный кейс”. Запись набрала сотни комментариев, которые анекдотами разлетелись по интернету. Здороваться Шулятьевы начали с Валентиной только через полгода. Надежда изменить решение их медленно покидала и ушла, оставив в почтовом ящике письмо от судебных приставов.

Первым пришёл мириться Иван Михайлович.

— Здравствуй, Валентина, нам бы поговорить, — топтался он на крыльце, не зная, куда деть руки.

— Здравствуй. — Валя заслонила дверь.

— Ну, что делать будем?

— А что делать? Всё вам написали, расписали, всё по закону.

— Ну, подумались и хватит, а? Навес уберу. Давай забор перегордим. Яблони спилить? Спилю. Но пчёл мне оставь, Валюша, пчёлка моих, Валюша, оставь, а?

— Никакая я тебе не Валюша! Совсем обнаглели. Это я еще сосну не предьявляла, а могла бы! Шутки шутить со мной вздумали, пороги наполовину чистить.

— Так ты ж сама...

— Сама? А землю кто разворотил? А теперь мириться? Думаешь, так запросто? Суд всё рассудил. Кто прав, кто виноват. Я с тобой только письменно разговаривать буду. Все разговоры в письменном виде!

— Эх, Валя, — качал головой Иван, — не пойдут тебе впрок эти пчёлы. Господь всё видит.

— Ты мне на Господа не пеняй, — ответила Верёвкина и хлопнула дверью.

— Чего ты так с ним? — робко спросила Соня.

— Таких на место надо ставить. Я его сразу перебила, чтоб и не начинал.

— Жалко пчёлка, они в чём виноваты?

— Они не виноваты, а он виноват. Что же ты за человек такой? Всех жалеешь, всех прощаешь. Ни он, ни Татьяна его нас не пожалели. Никто за нас не заступится, кроме нас самих. Этой жалостью своей разрешаем хамам ездить по тротуарам, собак на нас спускают — терпим, на площадке детской машины ставят — молчим, памятник разбивают — боимся, стены уродуют — махнём рукой. Вот и молчим, вот и боимся поспорить, потребовать. А надо, Соня, надо, милая! Надо что-то делать. Не сидеть жаловаться, а делать. Что ты, Соня? Плохо? Соня?

— Нормально всё, давление просто. Водички дай. Ты молодец, Валя, ты боец. А я всю жизнь, как прицеп твой. И теперь вот совсем...

— Ладно, на, водички попей. Полежи лучше. Вот так.

Шулятьевы ещё чуть-чуть поборолись. Напрасно: Верховный суд оставил решение в силе.

Иван разбирает забор один. Медленно выкручивал саморезы, складывал в банку. Стопкой, перестилая, уложил профлист, спилил столбы болгаркой, покрасил места среза, спиленные трубы и профлист укрыл рубероидом.

Валя не выходила, смотрела на всё через маленькую щёлку из-за занавески.

Ломал навес и пилил деревья Шулятьев уже не один, с другим соседом. Все доски, катки, сучья аккуратно складывал вдоль сарая, подбирая один к другому по форме, размеру.

Ночью Валя проснулась от треска, казалось, что-то горит, выбежала во двор в одной рубашке.

Посреди огорода Шулятьевых бушевал костер: злился, извивался пламенем, стрелял искрами, затихал и жалобно стонал. Иван бегал по двору, с силой бросал в огонь ещё днём так старательно уложенные катки, доски, ветки. У сарая без разбора тянул доски, брал снизу, сверху всё рушилось, падало на него, било. А Иван всё тащил к костру, размахивался, что было сил, и бросал, бросал... Огонь трещал, пожирал, уничтожал всё то, что ещё вчера было нужным и живым.

Вот так они и жили с тех пор. Без забора. Не здоровались, не могли смотреть друг другу в глаза. Когда и куда убрали улы, Валя так и не узнала. Теперь Шулятьевы продавали и дом.

Валя открыла дома конверт, что достала из ящика. Сухие выверенные слова:

“... возместить судебные расходы, взыскать в пользу Верёвкиных...” Не дочитала, свернула письмо и сложила обратно. Соня кротко спала. Так хотелось с кем-то поговорить! Так нужно было спросить: а правильно ли всё это? Правильно ли до конца, до хрипоты доказывать свою правоту? Валя всегда считала, что нужно найти виновного, уличить, ведь если никого не обвинить, получается, что никто и не виноват. А как наказывать?

В лучах закатного солнца блестела икона. Валя посмотрела на кроткие глаза Богородицы, и весь разум её и сердце наполнились одним словом.

Рано утром она поехала к Шулятьевым. Стучала долго, эхом откликался её стук в опустевшем дворе.

— Эй, Валентина, — окликнула её женщина с улицы, — уехали они. Дом продали, наконец. Теперь будут у тебя новые соседи. Мы тут с ними познакомились. Ну, Верёвкина, готовься!

ЖОЗЕФИНА

Катя вызвала лифт. На какой там этаж? Вроде, десятый. Неужели так высоко? Все свои двадцать три года она жила в панельной пятиэтажке, лифтом не пользовалась и побаивалась его, как боялся всего неизвестного. Но СМСка подтвердила, что этаж десятый. Придётся ехать, к тому же Катя так и не поняла, где здесь лестница. Нашла квартиру, вошла. Тапочки у входа, стопка глянцевого журналов на полу. Интересно быть в квартире без хозяина, вещи так много говорят о человеке, чего ни он, ни кто-либо другой не расскажет.

Из комнаты грациозно вышла кошка.

— Привет, Жозефина, пойдём тебя кормить, — заговорила с ней Катя, снимая пальто и сапоги.

Кошка внимательно смотрела на гостью голубыми раскосыми глазами. Девушка прошла на кухню, помыла миски, в одну положила корм, в другую налила чистой воды.

— Где ты? Иди ешь. Столько хватит? Хозяйка велела не перекармливать.

Жозефина не спеша, чинно дефилировала к мискам, чуть косила глаза в сторону Кати и недоумевала: кто ты такая, почему считаешь, что можешь вот так приказывать мне? Я же не твоя кошка. Запах привычной вкусной пищи успокоил её, и она аккуратно, чтобы не испачкать мордочку, начала есть.

— Вот и хорошо.

В комнате на диване аккуратно сложено чистое постельное бельё. Девушка улыбнулась. Нет, даже садиться не буду. Всё вечером, останусь одна и буду наслаждаться одиночеством. С глупой мечтающей улыбкой она оделась и ушла.

Вот родной подъезд, пахнет блинами и жареной картошкой. Катя еле переставляла ноги, внимательно вглядывалась в трещины на зелёной краске, словно где-то могла прочитать оправдание своему отсутствию. Вот почему бы не сказать правду? Попросила начальница покормить кошку на время отъезда. Всего два дня — суббота и воскресенье.

— Катенька, ты только корма ей много сразу не насыпай, — просила Наталья Сергеевна, — а то она переест, потом её и вырвать может. По чуть-чуть ей насыпай, три раза в день или хотя бы утром и вечером.

Катя пожалела, что согласилась. Не очень-то охота три раза в день ездить. Наталья Сергеевна, будучи мудрой женщиной, тут же озвучила выгоду:

— Если хочешь, можешь переночевать у меня. Смена обстановки бывает так необходима. Будешь одна делать что хочешь. Я тебе чистое бельё оставлю.

После такого предложения, все минусы показались ничтожными, и девушка с радостью согласилась кормить Жози.

Но как сказать об этом бабушке? Предугадывала ответ:

— Делать тебе нечего! Ездить туда-сюда, да ещё целый день. Сдохнет, что ли, кошка эта? Нельзя ей сразу еды побольше насыпать? Лучше бы своими делами занялась. Подставила свою шею — садитесь. А к тебе стали бы ездить так?

Вот Катя и искала какую-нибудь причину, уж лучше обмануть, чем выслушивать нравоучения. Когда она вошла, бабушка смотрела телевизор. Девушка шумно разбирала покупки, шуршала пакетами, стучала банками. И громко, из кухни, перекрикивая телевизор, рассказывала:

— Такая очередь в магазине! На кассе мужик какой-то скандалить начал, что-то ему не по той цене пробилось.

Вошла в комнату, бабушка спустила очки на нос, поверх них посмотрела на внучку. Катя по внимательному взгляду бабушки решила, что её невероятных приключений в магазине недостаточно, и она добавила, но менее уверенно:

— Потом ещё лента чековая закончилась, потом карта не проходила...

Последний случай, видимо, выполнил нужное действие, потому что бабушка сказала:

— Иди, отдохни, Катюша, устала, пакеты тяжёлые. Да ещё скользко ведь? Еле шла.

Девушка выдохнула, словесная атака удалась, никаких расспросов — уже хорошо. И по бабушкиному совету она пошла полежать, вернее, села на соседний диван и уткнулась в ноутбук. Внучка с бабушкой жили в однокомнатной квартире. Переехала Катя из такой же однушки, где жила с родителями, да ещё и с младшим братом. На прежней квартире ей, конечно, отгородили нечто вроде собственной комнаты — каморку за шкафом без дверей, без окон. Потом, когда она поступила в институт, решили, что лучше ей будет с бабушкой, а бабушке с ней. Уголка за шкафом у Кати здесь не было, и она любила заседать на кухне, читать, болтать по телефону, смотреть фильмы до самой ночи, а потом на цыпочках пробиралась в комнату. Бабушка когда молча ворочалась и вздыхала, когда ворчала: “Завтра вставать рано, не выспишься”, — когда ругалась: “Делать тебе нечего, с подругами ночами болтать”. Внучка то молчала, стиснув зубы, то огрызалась. Так они и жили: Катя на кухне, бабушка в комнате, а когда сидели рядом, вместе, Катя смотрела в телефон, а бабушка — в телевизор.

Сейчас для успокоения совести девушка высиживала с бабушкой пару часов, вроде как загладить очередное отсутствие. К трём часам засобиравлась кормить кошку.

— Я пойду прогуляюсь, мы с Таней договорились.

— Иди, раз надумала.

Катя пришла к Жозефине, выложила в миску нежнейший кошачий корм со вкусом индейки, села за стол, уткнулась в телефон. Как же ей провести этот вечер? Вечер, предназначенный лишь для неё одной. Не успела подумать, как соцсети уже подсовывали решение. На фото лохматая девчонка в пижаме с сердечками, огромных несуразных тапках, держит бокал вина, а вокруг художественно разбросаны пледы. Подпись гласила: оставь время для себя. Яркая картинка не давала подумать: так ведь всё время моё, всё на себя и трачу.

Беспечная растрёпанная девчонка пила вино, значит, и мне так надо, чтобы стать счастливой.

Сиамская породистая кошка пристально смотрела на девушку, глаза их встретились, Жозефина надменно отвернулась и зашагала в комнату.

Екатерину осенила гениальная мысль. Пледики! Надо обязательно взять с собой пледики. Без них картинка в голове уже не складывалась. Она собиралась домой, как в другую реальность, перед глазами, как рекламный баннер, стояла красивая (хоть и постановочная) фотография, которая не давала ей ясно посмотреть перед собой.

А совсем рядом, за перегородкой, Жозефина жадно обнюхивала хозяйскую подушку, мяла её лапами, поглаживала, и, вздрогнув от хлопка двери, случайно выпустила когти. А потом тоскливо зализывала эту невольную царяпину на синей наволочке.

Дома Катя выжидала момент как бы незаметно вытащить пледы. В антресолях были как раз такие, как надо, в клеточку с бахромой, один — коричневый, а другой — зелёного болотного цвета. Дежурила около бабушки, пока та не ушла в туалет. Торопливо залезла в шкаф: о горе! Пледов там не оказалось.

Всё пропало. Идеальная картинка рухнула. Бабушка вернулась. Катя не могла скрывать свою досаду и волнение. Ходила туда-сюда по комнате, задумчиво смотрела в окно, настукивала беспокойный ритм пальцами по столу, хлопала дверцами шкафа. Наконец, не выдержала, выгребла вещи с нижней полки, стала их перебирать в поисках тех самых, счастье несущих пледов.

— Катюша, что ты делаешь?

— Да так. Ищу вещь одну.

— Какую? Может, я знаю, где лежит.

— Да так. Никакую.

Сложила всё обратно. Уже почти семь, пора кормить кошку, что-то решать с ночёвкой. Катя нервничала, не успела придумать, как объяснить, где будет ночевать, не собрала вещи, не нашла пледы.

— Ба, я отъеду, мне тут надо по делам, — выпалила она и, не поднимая головы, чтобы не встретиться взглядом с бабушкой, резко вышла.

Кошка раздражала, хотелось её пнуть. Такая возможность побыть одной ускользала! Жозефина поела, осталась сидеть около миски, смотрела на Катю.

— Ну что смотришь, животное? Наелась?

Кошка в ответ мяукнула. Её “мяу” значило: “Повежливее! Зачем ты так? Я же живая”. Она даже привстала. Может, поласкаться? Но Катя сидела настолько хмурая, что даже кончиком единой шерстинки не хотелось к ней прикасаться. И Жозефина ушла в комнату — там родная синяя подушка.

Катя терзалась. Может плюнуть на всё и остаться ночевать? И зачем эти дурацкие пледы? И вино она не очень-то любит. А как же бабушка? Просто позвонить? Заволнуется, ещё давление подскочит. И весь вечер будет не в радость, будет мучиться угрызениями совести. А разве это отдых, когда мысли не спокойны.

Пришло сообщение от Натальи Сергеевны. “Как дела? Как моя девочка? Забыла сказать, можешь ночевать у меня и в воскресенье. Я в понедельник только к обеду буду”. “Спасибо, всё хорошо, кормлю”, — набрала Катя. И засобиралась домой. Всё переносится на завтра.

Бабушка сидела в тишине. Катя молча прошла к своему дивану, легла, поджала ноги к животу.

— Ты не заболела? — спросила бабушка.

— Нет.

— Что-то тревожит?

— Нет.

— Сегодня по телевизору передавали, потепление будет.

— Понятно.

— Свет выключить?

— Ага.

— И я ложусь. Ну, спокойной ночи. Точно не заболела?

— Нет.

Сон не помог, наутро Катя встала не в настроении. Бабушка нажарила любимых внучкиных оладушек. Та не стала есть, засобиравшись уходить.

— Куда ты, Катенька?

— Да я Тане обещала помочь вещи перевести.

— В десять утра-то? Поела бы. Таня к тебе с утра пораньше, да еще голодная не побежала бы.

Катя громко выдохнула, надела сапоги и вышла.

Бывает у людей удивительное свойство: сделать трагедию на ровном месте и ходить потом, лелеяя своё горе. На улице падал снег и тут же таял. Слякотью и лужами подкармливала своё несчастье Катя, пока пешком шла к дому Натальи Сергеевны.

Там она безучастно покормила кошку, легла на диван и уснула крепко, быстро, провалилась. Проснулась неожиданно, резко, будто её укололи иголкой. Жозефина сидела на подлокотнике, тоже встрепенулась, ринулась к родной подушке, но ткань ещё хранила Катины следы. Кошка жалобно мяукнула, прыгнула с дивана, но не ушла, а затаилась тут же на полу. Уже три часа дня. На телефоне десять пропущенных, восемь — от бабушки. Может, ей плохо стало? Катя кинула кошке очередную порцию еды. Жози не стала есть, даже не принохивалась, села в коридоре и уставилась на Катю. Та торопилась, рванула замок на пальто, молния разошлась, так распахнутая и выбежала.

Когда внучка вошла, бабушка неподвижно сидела в темноте, в коридорчике на стуле.

— Бабушка, я пришла. Ты звонила?

Та очнулась, подняла красные заплаканные глаза, протянула руки:

— Ох, слава Богу! Тебя выпустили, — встала, прихрамывая подошла, обняла Катю. — Они тебя не били?

— Кто? — девушка освободилась от объятий. — Дай разденусь. Что случилось?

— Да знаю я всё! Они мне звонили, всё рассказали. И как тебя угроздило? Моя бедная девочка! Я же видела, чувствовало моё сердце, что что-то не так. И что ты мне сразу не сказала?

— Про что ты? Кто звонил?

— Из участка. Участковый. Всё рассказал. Ты вчера по шкапам деньги искала? Что же ты сразу не сказала? Я бы все отдала.

— Что за ерунда? Какие деньги?

— Все, что были. Всё отдала, до копеечки. — Бабушка села на табуретку. — Мне, правда, не хватало, но он сжалился надо мной, старой бабкой, сказал, и столько хватит. Ну, ничего, денег ещё наживём, главное — все живы, здоровы. Так тебя не били, Катюша?

Катя по стене сползла на пол, взялась за голову руками.

— Ты что? Деньги кому-то отдала?

— Отдала.

— И сколько?

- Всё, что было, восемьдесят тысяч.
- Восемьдесят? Ты отдала восемьдесят тысяч?
- Да ещё наживём, главное, все живы, здоровы...
- Кому отдала деньги? Как? За что?
- Он позвонил, спросил про тебя, не было ли чего подозрительного.

Про какую-то террористическую операцию... Ты там статьи какие-то писала в интернете. Вот они тебя и забрали. И что тебе власть эта далась, Катя?! Торчишь днями и ночами в своём компьютере. Сколько раз я тебе говорила! И по телевизору передают — того посадили, того поймали.

— Да это мошенники! — крикнула Катя. — Тебя обманули! Как ты поверила? Почему мне не позвонила? — вспомнила восемь пропущенных и замолчала.

У бабушки задрожали руки:

— Я же для тебя, родная! Всё для тебя, — она заплакала.

— Как ты отдавала деньги? — мягко спрашивала внучка. — Носила куда? Ты же приложением пользоваться не можешь.

Катя кипела обидой. “Восемьдесят тысяч! — только и вертелось в голове. — Как их вернуть?” И думала она об этих деньгах, как о своих, а не как о бабушкиных.

А бабушка, рассказывала, всхлипывая:

— Помогли мне. В банкомате положили, а дальше он сам, он же участокный, у него доступ есть. Скажи мне правду, куда ты попала? Куда ходишь всё время?

Катя молчала, вздыхала, прикидывала, как обратиться в полицию, наконец ответила тихо, неуверенно и виновато:

— Кошку я Натальи Сергеевны, начальницы своей, кормлю...

Бабушка стукнула кулаком по коленке и сердито, с упреком, сказала:

— Что ж ты мне врёшь опять, а? Говори правду!

Как очередь из автомата, как тысяча уколов, как электрические разряды, слова эти обрушились на Катю. Она встала, сжала кулаки, открыла дверь, круто развернулась и заорала:

— Не вру я! Не вру! Не вру!

И ушла, хлопнув дверью. Бежала по улице злая, растрёпанная, распахнутая, обрызгивала себя грязью, остыла только, когда пришла к дому начальницы.

Кошка её уже встречала. Жозефина, оставив свои чопорные, аристократичные манеры, как простая дворовая кошка, крутилась вокруг Кати, тёрлась об её ноги, мурлыкала.

Девушка не обращала на кошку внимания, положила ей корм, поставила миску на пол и села на табуретку.

Жозефина подошла к миске, понюхала и, не притронувшись, опять стала ласкаться. Катя не реагировала, её словно не было здесь. Тогда кошка забралась на подоконник, а с него прыгнула прямо Кате на колени, выгнула спинку и нежно зацарапалась.

— Эх ты... Погладить тебя? — Катя положила ладонь на сиамскую спинку, кошка вздрогнула, будто не поверила, что этот человек может быть нежным, потом расслабилась, замурлыкала, Катя медленно гладила кошку, гладила, гладила... и заплакала. — Эх, Жозефиночка, и еды тебе не надо, только внимания... Надо же, всё понимаешь... а не человек...

И утерев слёзы, Катя побежала обратно домой, чтобы пожалеть свою милую бабушку, а потом и самой свернуться клубочком у неё на коленях.

САМОИЗОЛЯЦИЯ

— Ты что, правда, будешь ездить в Москву каждую неделю?

— Ну да, по субботам.

— Ты серьёзно? Я, когда переехала, тоже думала каждые выходные ездить домой. Через месяц меня тошнило от вокзалов. А в Брянске таких курсов нет?

— Нет, это же Литературный институт. Он один такой.

— Ну, ты даёшь. Я в шоке от тебя. Реально.

Так разговаривала со мной подруга, когда узнала, что я поступаю на литературные курсы.

Я и сама сомневалась:

— Не лучшее время поступать, да, Вова? — говорила я мужу. — Витя только в садик начинает ходить, болеть будет, да и работа...

— Поезжай, — ответил он. — Сам с ним сидеть буду. Все субботы.

Мужской ответ. Скупой. По делу. Серьёзный. Надёжный.

И началось... Поезда, дороги, переезды. Ночные, вечерние, дневные. Сидячий, плацкарт, купе.

Возвращаюсь домой. В вагоне душно: хочется быстрее выйти. До прибытия минут десять, некоторые одеваются, достают багаж. С небольшим рюкзаком обгоняю пассажиров с громоздкими чемоданами. Но в тамбуре всё равно не первая, там уже двое мужчин.

— Девушка, куда торопишься? — шутливо заговорил пожилой. — Два часа до Брянска ехать.

— Я хочу домой! — бодро ответила ему.

— Что так? Долго не была?

— Нет, просто хочу домой.

— Дома небось мамка еды наготовила, ждёт.

— Наоборот, я сама мамка, меня ждут.

Мужчина посерьёзnel.

— А что же хозяин твой не накормит?

— Накормит. А я всё равно хочу к нему.

Мужчина ответил тихо, совсем серьёзно:

— Да, девушка, тут ты права. Тут ты полностью права.

Замолчал, отвернувшись, и задумчивые глаза его отражались в заснеженном окне.

Витя поначалу плакал, потом смирился, отпустил. Когда время отправления позволяет, провожает меня с папой. На платформе отпускает мою руку, переходит на сторону Вовы.

— Мы с папой команда. Иди в вагон, мама, не надо стоять.

И уходит, не оборачиваясь, без поцелуев и объятий. Маленький мужчина. Серьёзный, скупой на нежности, деловой, надёжный.

Всё больше убеждаюсь, что не я учу жить ребёнка в этом мире, а он меня.

— Mam, расскажи сказку, только про машинки.

Я устала, думать лень, рассказываю на скорую руку.

— Жил-был трактор, пахал поле, а мечтал работать на стройке. Однажды он встретил бетономешалку, они подружились. Бетономешалка взяла его с собой на стройку. Так исполнилась его мечта. Конец, а кто слушал — молодец.

— Нет, нет, нет! Так не пойдёт. Они же ничего вместе не подделали! А как они подружились? Надо побольше рассказать, что они делали вместе. Рассказывай побольше, мамочка, не бойся.

Вот так. Раскусил меня. Завязка есть, развязка есть. А развитие действия, кульминация? Так не пойдёт!

Не надо спешить, когда пишешь. Проза требует мыслей, очень много мыслей.

Подрался в садике. Пытаюсь поговорить. Ничего не хочет слушать, расстроен, нервничает. Ложимся спать.

— Mam, расскажи сказку.

Ага, попался! Я же занимаюсь на литературных курсах! Сейчас расскажу тебе сказочку.

— Однажды зайчик Тим пошёл в садик и не поделил с зайчиком Бимом машинку. Поругался с ним, даже подрался. Машинка никому не досталась. А зайчики весь день просидели в разных углах. Очень грустно и скучно прошёл их день.

— Вообще-то, — отзывается недоверчиво, — это не сказка, это какая-то реклама.

И кого я хотела перехитрить? Нравоучения не любят ни дети, ни взрослые. Всё должно читаться между строк.

Через три месяца меня стали узнавать проводники.

— А вы что, ночью с нами ехали? — спрашивает молоденькая девушка в серо-красной форме. — Скажите, а я правда слишком вагон натопила? А то мне даже “до свидания” никто не сказал, когда приехали. Только возмутились.

— По мне лучше жарко, чем холодно.

— А я весь день думала, неужели так жарко натопила, что и “до свидания” никто не сказал? Проходите, сейчас в вагоне хорошо.

Как много может значить для человека одно слово...

Бывали и холодные вагоны. После нового года пустили двухэтажный состав, блестящий, пахнущий новизной. И почему-то очень холодно в новых вагонах.

Рядом сидела женщина, куталась в палантин, отошла ненадолго, вернулась с пледом.

— Вы плед у проводника взяли? — спрашиваю.

— О нет, — смеётся, — хоть сервис и улучшили, но не настолько. Я в своём чемодане взяла. Хотите, закутывайтесь в мой плед, он большой.

В дороге люди отзывчивее.

Ещё пример. Женщина толкает к выходу огромный чемодан. В руках чистенький, пушистый, как игрушка на полке магазина, шпич.

— Давайте помогу вам, — обернулся мужчина в очках, — я ведь тоже собачник.

Через шесть месяцев то ли совпало, то ли меня действительно стали узнавать охранники на вокзале.

— Ключики, телефончики на стол, сумочку на ленту. Проходим. Вот и славно — ничего не пикает, не моргает. Поезд на Брянск на тринадцатом пути. Счастливо.

Сколько бодрости эти слова вселяют! Так непривычно уже видеть, как кто-то работает весело, с интересом. В основном угрюмые лица, вроде как солидности добавляют. А ведь свою работу нужно и важно любить.

Зашла на почту, отстояла очередь.

— Как я рад, что вы выбрали моё окошко! — приветствовал меня высокий худощавый парень с красными, уставшими от компьютера глазами.

— Ксерокопию, пожалуйста, — я протянула ему три скреплённых листа.

Он начал раскреплять.

— Да можно так сделать, — сказала я.

— Нет уж, — весело ответил он, — я красивый, вы красивая, ксерокопия должна быть красивой.

— Обрато скрепить? — спросил он потом.

— Скрепите.

— Скоба — пять рублей.

Я восприняла серьёзно.

— Шутка, сегодня эта услуга бесплатно.

Так он веселил и себя, и всю очередь. Превращал поиск потерянной посылки для какой-нибудь бабулечки в приключение. Он улыбался, и все улыбались.

Но сколько бы раз после этого я ни была на почте, его ни разу больше не видела. На его месте сидела серьёзная хмурая дама с высоко собранными волосами.

Еду в ночь. Сидячий.

— Люди добрые, помогите! Верните телефон, люди добрые! — по вагону забегала девушка.

Пять утра. Все проснулись.

— Я его на зарядке у туалета оставила, на пять минут всего. Верните телефон, пожалуйста!

Сразу нашлись очевидцы, которые спали и видели определённо подозрительного мужчину.

— Давай позвоним.

Звонят, ходят, слушают.

— Звук-то отключили уже...

— Да он из другого вагона был.

— Мне кажется, это вон тот мужчина!

— Не брал я ничего!

— Мужчина, верните телефон!

— Как вам не стыдно!

— Верните, пожалуйста, я в полицию писать не буду...

— Не брал я!

— Хорошо отпираться-то! По морде видно — брал!

— Девушка, не твой телефон моргает? Около твоего сиденья. Посмотри, твой?

— Ой, мой. Спасибо, есть Бог на свете. Сама уронила. Спасибо всем. Спасибо.

Села, замолчала. А перед подозрительным мужчиной так никто и не извинился.

Киевский вокзал. Зал ожидания. Рядом сидят четверо монахов. Трое пошли прогуляться на улицу, вернулись.

— Ну, что там? — спрашивает четвёртый.

— А молодёжь собирается, митинговать, что ли, будут. Стоят, ждут указа. Они же в жизни не видели ничего, живут в стекле, в бетоне. Что им скажут, то и делают. А знают они, что такое семья? Что такое земля? Яблочек с яблоньки собрать... Вот тогда-то своей головой и подумали бы...

Снова ночь. Плацкарт. Поезд проходящий. Захожу в вагон. Рядом две девушки, у каждой по ребёнку, и года нет малышам. Как они кричали всю ночь! И как сладко мне спалось! Я накрывалась с головой одеялом и радовалась, что не мне вставать к этим детям, не мне, не мне...

И вот коронавирус. Карантин. Самоизоляция. Все поезда отпавились. Все прибыли. О-ста-но-вка.

Вижу в интернете призыв о помощи: “Если наш магазинчик закроется на карантин, он закроется навсегда. Купите книжку вместо гречки”. Зову своих мужчин, пойдём спасать книжный магазин. Там я несусь к стеллажам с книжками-картинками, разглядываю, умиляюсь, играюсь. Битя с папой тянутся к книжкам “Как устроен автомобиль”, “Космос”, “Ледоколы”.

И почему мне, взрослой, нравятся книжки-картинки, а ему, маленькому, познавательные? Потому что мне хочется вернуться в детство, а ему повзрослеть.

Почему я так люблю книги? Я верю, что вся мудрость мира хранится в них. Тонких, толстых, новых, зачитанных, с картинками и без. Таится на сшивке, корешке, форзацах...

Сижу дома. Что мне остаётся? А остаётся со мной не так уж мало. Остаётся со мной, хранится во мне то самое могучее Слово, что погубит или исцелит, обнадёжит или обманет, пожалеет, полюбит, поговорит по душам или оттолкнёт. И мне остаётся лишь подружиться со Словом, пустить его в свою жизнь, приручить его, обогреть и отпустить в большой мир.